

ОТЗЫВ

**на диссертационную работу Максимовой Анастасии Александровны
«Деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы
конца XIV – начала XVIII веков по данным археологии (планировка,
конструктивные особенности, вещевые комплексы)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук
по специальности 5.6.3. Археология**

Актуальность исследования

Диссертация Анастасии Александровны Максимовой посвящена одной из малоизученных проблем материальной культуры монастырей Русского государства – их деревянной жилой и хозяйственной застройке. В историографии, как правило, внимание уделялось истории обителей, их каменным соборам, некрополям, архитектурным ансамблям, а также социально-экономической деятельности. При этом повседневное пространство монастырей – монашеские кельи, хозяйственные дворы, системы водоснабжения и проч. – оставались на периферии исследовательского интереса.

Выбор темы диссертации представляется обоснованным. Деревянные здания периода позднего Средневековья и раннего Нового времени почти не сохранились. Часто они разрушались пожарами или поздней каменной застройкой, кладбищами, инженерными коммуникациями. В письменных источниках описание деревянных монастырских строений встречается крайне редко. Поэтому предпринятое А. А. Максимовой комплексное сопоставление археологических, письменных, картографических данных, а также изобразительных источников представляется весьма продуктивным способом реконструкции ранней планировки монастырей.

Актуальность диссертационного исследования определяется еще и тем, что до настоящего времени деревянная застройка русских монастырей не становилась предметом специального изучения. Обращение же к этой теме позволяет поставить более широкие вопросы: о соотношении общежительного

и особенностного монастырских укладов, о влиянии на устройство жилищ в обителях статуса того или иного насельника, уровне бытового благоустройства, а также торговых и ремесленных связях монастырей.

Объект, источниковая база и методика

Объектом исследования в представленной диссертации является деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV – начала XVIII в. Предмет исследования – археологически выявленные фрагменты построек и вещевые комплексы. Цель работы сформулирована как всестороннее изучение монастырской застройки на основе археологических материалов и исторических источников. Для достижения этой цели А. А. Максимова собрала и систематизировала сведения о постройках, проследила изменения планировки, выявила конструктивные особенности зданий, атрибутировала археологические находки из них и сопоставила московские материалы с данными по другим монастырям Русского государства.

Источниковая база диссертации выглядит достаточной. Автор рассмотрела 91 постройку из шести монастырей Москвы – Высоко-Петровского, Зачатьевского, Новодевичьего, Рождественского, Симонова и Сретенского. В первую очередь ею привлекались материалы археологических раскопок 1981–2024 гг., а также полевая отчетная документация из Архива Института археологии РАН — текстовые описания, чертежи и фотографии. Археологические данные исследовательница дополнила письменными материалами, используя делопроизводственные документы, описи имущества монастырей, их чертежи и проч., а также иконы, миниатюры и лубочные изображения изучаемых обителей.

Следует отметить, что и сама А. А. Максимова принимала участие в археологических исследованиях московских монастырей. С 2012 г. она работала в экспедициях Отдела археологии Московской Руси, а в 2017–2024 гг. участвовала в раскопках и подготовке научных отчетов по Новодевичьему монастырю.

Методика, применяемая в диссертационном исследовании, соответствует поставленным задачам. В работе используются стратиграфический и типологический методы датирования, историко-сравнительный анализ, систематизация и статистическая обработка массового материала. Для уточнения хронологии привлекаются комплексы керамики, монет, кирпичей и изразцов, а в случаях сохранности древесины — результаты дендрохронологического анализа. К числу несомненных достоинств диссертации следует отнести открытое обсуждение ограничений источников: неполное попадание сооружений в площадь раскопов, нарушение верхних горизонтов, неудовлетворительная сохранность дерева и т. п.

Структура и содержание работы

Диссертация состоит из двух томов. Первый том включает введение, пять глав, заключение, список сокращений, список источников и литературы. Второй том содержит пять приложений: альбом иллюстраций, описание построек, статистические таблицы и вещевые комплексы, каталог монет, а также каталог построек и инженерных сооружений.

Во введении А. А. Максимова последовательно раскрыла актуальность и степень разработанности заявленной темы, определила объект и предмет, а также цели и задачи исследования, методику, хронологические и территориальные рамки, обосновала научную новизну, теоретическую и практическую значимость. Однако следует заметить, что, говоря о периоде XIV – начала XVIII вв., автор использует термин «Средние века», в то время как эту эпоху точнее было бы определить как «Средние века и раннее Новое время». Вызывает вопросы и использование определения «лавра», когда речь идет о Троице-Сергиевом монастыре. Как известно, статус лавры Троицкая обитель получила лишь в 1744 г. Для изучаемого же периода правильнее было бы использовать слово «монастырь».

В первой главе представлена история изучения монастырей Москвы, в том числе анализируются и работы по археологии. А. А. Максимова

проследила путь от дореволюционных монографических описаний и архитектурно-археологической школы 1930–1970-х гг. к современным комплексным исследованиям. Важным результатом проведенного автором историографического обзора является обобщение данных о жилых и хозяйственных сооружениях конца XIV–XVIII в., археологически выявленных в 25 русских монастырях. Это создает необходимый сравнительный контекст для последующего анализа московских материалов.

Между тем перечень анализируемых работ можно было бы несколько расширить. В частности, на мой взгляд, не лишними в нем оказались бы исследования Т. Д. Пановой, занимающейся в том числе и археологией московских монастырей: одна из последних ее статей посвящена истории Рождественского монастыря в конце XIV–XVI вв. (*Панова Т. Д. История московского Рождественского женского монастыря в конце XIV–XVI вв. // Вестник церковной истории. 2025. № 3/4(79/80). С. 207–223*). Не отмечено в исследовании и издание, посвященное истории московского Иоанно-Предтеченского монастыря, подготовленное Д. Г. Давиденко (*История московского Ивановского девичьего монастыря в документах XVII – начала XIX века / Сост. Д. Г. Давиденко. М., 2015*); и др.

Вторая глава диссертации посвящена ранней застройке и планировке московских монастырей. Сопоставление планов, изобразительных источников и археологических данных позволило автору показать устойчивость основных принципов организации монастырского пространства. Исследовательница отметила, что если на ранних этапах жилые постройки концентрировались преимущественно вокруг монастырского собора, то со временем, по мере расширения некрополя, смещались к периферии. При этом общая структура сохраняла преемственность. Безусловно заслуживает внимания и наблюдение А. А. Максимовой о том, что планировочная структура московских монастырей зависела от типа устава, по которому строилась монашеская жизнь. Если в общежительных монастырях жилые и хозяйственные здания,

как правило, разносились по разным участкам монастырской территории, то в особножительных они располагались рядом, формируя усадебные комплексы.

Исследование позволило зафиксировать отдельные отступления от правил монастырской жизни. Так, конюшенные и скотные дворы следовало размещать за пределами монастырских стен, однако, как показала А. А. Максимова, в московских монастырях, в частности Новодевичьем, они могли ставиться и внутри ограды. Отмечу, что для городских монастырей такая ситуация отнюдь не уникальна. Например, так же, внутри монастырских стен находился конюшенный двор в тульском Иоанно-Предтеченском монастыре (см.: *Шамина И. Н.* Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб., 2023. С. 222–224). Полагаю, такая планировка диктовалась высокой плотностью городской застройки.

В третьей главе рассматриваются конструктивные особенности деревянных жилых келий. Исследовательница проанализировала котлованы погребов и подклетов, срубные и каркасно-столбовые конструкции, печи, полы, входы, окна и элементы внутреннего убранства. Она выделила две основные группы келий – отдельно стоящие постройки (землянки, полуземлянки, кельи-избы и хозяйственные клетки) и кельи-связи, включающие единые корпуса и усадебные комплексы. Интересны выводы автора о сравнительно высоком уровне благоустройства жилых построек в московских монастырях. Археологические исследования подтверждают данные письменных источников о существовании в кельях глинобитных, кирпичных и изразцовых печей, слюдяных окон, светильников и проч.

Четвертая глава диссертации посвящена хозяйственным постройкам и разного рода инженерным сооружениям. По наблюдению исследовательницы, конструкции жилых келий и зданий хозяйственного назначения различались мало. Отделить одни от других позволяет, в частности, набор археологического материала. На месте хозяйственных построек чаще всего обнаруживаются фрагменты орудий труда, следы заготовки сена, обработки

дерева, кости, камня металла, в то время как одним из маркеров жилой постройки являлась печь.

Часть хозяйственных строений размещалась в монастырских слободах — в селениях, где жили преимущественно монастырские слуги, ремесленники, работники и прочие связанные с монастырем люди. Такая монастырская слобода существовала, в частности, вблизи московского Высоко-Петровского монастыря. Говоря о ее населении, автор диссертации использует понятие «монастырские вотчинники», что представляется ошибочным. Словом «вотчинник» в Русском государстве обозначались владельцы вотчин — наследственных земельных владений. Вряд ли к таковым можно отнести монастырских служащих.

Большое внимание А. А. Максимова уделила системе водоснабжения московских монастырей, подробно проанализировав водозаборные и дренажные колодцы, деревянные желоба и трубы, что существенно дополняет наши представления об инженерном благоустройстве московских обителей. Наличие колодцев было характерно, очевидно, для тех из них, что не имели прямого доступа к водоему. Для подавляющего большинства сельских монастырей источники информации о колодцах не содержат. Напротив, как следует, например, из переписной книги вологодского Спасо-Каменного монастыря 1701 г., здесь имелись специальные ворота, «которыми в монастырь из озера воду возят» (Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда, 2011. С. 155.). Наличие «водяных ворот» являлось характерной чертой многих монастырей не только Русского Севера, но и центральных уездов государства.

Значительную научную ценность представляет глава 5, посвященная предметному миру монастырей. Комплексы вещей, обнаруженные в монастырских постройках, являются одним из важнейших источников для изучения монастырской повседневности. Самой массовой находкой в московских монастырях, по наблюдению А. А. Максимовой, являются фрагменты керамической посуды. Выявляются также стеклянная и

металлическая посуда, предметы повседневного обихода (чернильницы, замки, ключи), украшения, обувная фурнитура, личные вещи и проч. Одной из необычных находок в монастырях следует считать детские игрушки. Как следует из диссертации, большое количество игрушек было выявлено в Зачатьевском монастыре. Исследовательница связала это с частым пребыванием здесь детей, однако почему именно в этой обители бывали дети, не объяснила. Предположу, что на территории Зачатьевского монастыря мог существовать детский приют. Последние, по крайней мере в XVI–XVIII вв., были широко распространены. Например, известно, что в начале XVIII в. детский приют имелся в вологодском Павло-Обнорском монастыре: «А по скаске того монастыря властей, те самые малолетние робята — их монастырские крестьянские дети, розных деревень сироты. И нет у них ни отцов, ни матерей. И в скудные годы тех сирот привозили под монастырь и пометывали. И тех выщеписанных робят кормят монастырским хлебом, а живут они за монастырем близ мельницы в особых избах. А дают им из казны одне рубашечки» (*Шамина И. Н.* Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 97).

Наличие среди археологических находок украшений, в частности в женских Зачатьевском и Новодевичьем монастырях, по мнению А. А. Максимовой, указывает на то, что их носили сами монахини, вопреки существовавшим запретам. Однако объяснение этому может быть и другое. Серьги, перстни, драгоценные камни, а также серебряные монеты часто использовали в качестве привесов к наиболее чтимым иконам. Например, у иконы вмчц. Параскевы Пятницы в соборном храме коломенского Спасо-Преображенского монастыре в привесе имелись «двои серьги, одни сребренные сканные вызлащены, а на них по две веревочки жемчюжные; а другие серги с камнем, на них по две жемчюжины» (*Шамина И. Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина,

Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 113).

А. А. Максимова утверждает, что жилые кельи в монастырях не запирались, поскольку «ключи и замки встречены в постройках, которые интерпретированы как хозяйственные. В жилых постройках замки не обнаружены». При этом письменные источники, в частности переписные книги монастырей 1701–1703 гг., показывают, что не имели замков лишь жилища простых монахов, в то время как кельи настоятелей, монастырской администрации и священников запирались. Дверные запоры описаны далеко не во всех монастырских описях этого времени, но, например, в материалах Галичского уезда такая информация присутствует. Так, в переписной книге галичского Успенского Паисиева монастыря при описании жилых келий читаем: «Келья архимандричья двойная с комнотою... В келье и в комнате трои двери, у тех дверей... замок приборной немецкой», «келья келарская с комнотою и с крыльцом, сени о два жилья... А в тех кельях у дверей четыре чеши железные. А у нижних сеней да у чулана замки приборные немецкие «Келья с комнотою черных священников... У комнатных дверей замок приборной» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 23. Л. 93–94).

Перечисленные наблюдения тем не менее не снижают общей высокой оценки диссертационного исследования. Работа А. А. Максимовой отличается самостоятельностью, последовательностью изложения материала и научной новизной. Задачи диссертационного исследования выполнены, заявленные автором цели достигнуты. Автореферат диссертации отражает структуру последней и соответствует ее тексту. Материалы диссертации, несомненно, могут применяться при подготовке обобщающих трудов по археологии Москвы и истории монастырей, в музейной работе и деле охраны памятников, а также в учебных курсах по археологии Средневековья и раннего Нового времени. Рекомендуется издать ее в качестве монографии, которая будет полезна для исследователей разных специализаций.

Результаты диссертационного исследования прошли необходимую апробацию. Основные положения изложены в десяти статьях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК. Отдельные итоги докладывались автором на российских научных конференциях, семинарах и Всероссийском археологическом съезде.

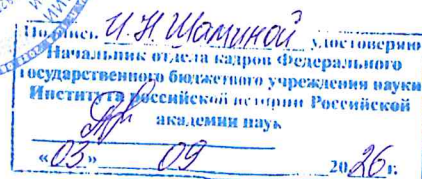
Таким образом, диссертация «Деревянная жилая и хозяйственная застройка монастырей Москвы конца XIV – начала XVIII веков по данным археологии (планировка, конструктивные особенности, вещевые комплексы)» представляет собой завершённую научно-квалификационную работу, соответствует паспорту научной специальности 5.6.3. Археология и требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с последующими изменениями), а ее автор, Максимова Анастасия Александровна, безусловно заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история), старший научный сотрудник Центра источниковедения истории России Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук

Шамина Ирина Николаевна

03 сентября 2026 г.

117292, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Тел./факс: 8-(499)-126-94-24 / 8-(499)-126-39-55
E-mail: iriran@mail.ru Сайт: iriran.ru